АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН
МАРИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ПОВОЛЖСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

№ 1 (31)
2020

Главный редактор

член-корреспондент АН РТ, доктор исторических наук **А.Г. Ситдилов**

Заместители главного редактора:

член-корреспондент АН РТ, доктор исторических наук **Ф.Ш. Хузин**

доктор исторических наук **Ю.А. Зеленева**

Ответственный секретарь – кандидат ветеринарных наук **Г.Ш. Асылгараева**

Редакционный совет:

Б.А. Байтанаев – академик НАН РК, доктор исторических наук (Алматы, Казахстан) (председатель), **Р.С. Хакимов** – вице-президент АН РТ (Казань, Россия), **Х.А. Амирханов** – академик РАН, доктор исторических наук, профессор (Москва, Россия), **И. Бальдауф** – доктор наук, профессор (Берлин, Германия), **С.Г. Бочаров** – кандидат исторических наук (Казань, Россия), **П. Георгиев** – доктор наук, доцент (Шумен, Болгария), **Е.П. Казаков** – доктор исторических наук (Казань, Россия), **Н.Н. Крадин** – член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор (Владивосток, Россия), **А. Тюрк** – PhD (Будапешт, Венгрия), **И. Фодор** – доктор исторических наук, профессор (Будапешт, Венгрия), **А.А. Тишкин** – доктор исторических наук профессор (Барнаул, Россия), **В.С. Синика** – кандидат исторических наук (Тирасполь, Молдова), **Б.В. Базаров** – академик РАН, доктор исторических наук, профессор (Улан-Удэ, Россия), **Д.С. Коробов** – доктор исторических наук, профессор РАН (Москва, Россия), **П. Дегри** – профессор (Лёвен, Бельгия), **Вэй Джан** – Ph.D, профессор (Пекин, Китай).

Редакционная коллегия:

А.А. Выборнов – доктор исторических наук, профессор (Самара, Россия)

М.Ш. Галимова – кандидат исторических наук (Казань, Россия)

Р.Д. Голдина – доктор исторических наук, профессор (Ижевск, Россия)

И.Л. Измайлов – доктор исторических наук (Казань, Россия)

С.В. Кузьминых – кандидат исторических наук (Москва, Россия)

А.Е. Леонтьев – доктор исторических наук (Москва, Россия)

Т.Б. Никитина – доктор исторических наук (Йошкар-Ола, Россия)

Ответственный за выпуск:

Ю.А. Зеленева – доктор исторических наук

Адрес редакции:

420012 г. Казань, ул. Бутлерова, 30

Телефон: (843) 236-55-42

E-mail: arch.pov@mail.ru

<http://archaeologie.pro>

Индекс 80425, каталог «ГАЗЕТЫ И ЖУРНАЛЫ»

Агентство "РОСПЕЧАТЬ"

Выходит 4 раза в год

© Академия наук Республики Татарстан, 2020

© ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет», 2020

© Журнал «Поволжская археология», 2020

Editor-in-Chief:

Corresponding Member of the Tatarstan Academy of Sciences,
Doctor of Historical Sciences **A. G. Sitdikov**

Deputy Chief Editors:

Corresponding Member of the Tatarstan Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences **F. Sh. Khuzin**
Doctor of Historical Sciences **Yu. A. Zeleneev**
Executive Secretary – Candidate of Veterinary Sciences **G. Sh. Asylgaraeva**

Executive Editors:

B. A. Baitanayev – Academician of the Nacional Academy of the RK, Doctor of Historical Sciences (Almaty, Republic of Kazakhstan) (chairman), **R. S. Khakimov** – Vice-Chairman of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation), **Kh. A. Amirkhanov** – Academician of RAS, Doctor of Historical Sciences, Professor (Moscow, Russian Federation), **I. Baldauf** – Doctor Habilitat, Professor (Berlin, Germany), **S. G. Bocharov** – Candidate of Historical Sciences (Kazan, Russian Federation), **P. Georgiev** – Doctor of Historical Sciences (Shumen, Bulgaria), **E. P. Kazakov** – Doctor of Historical Sciences (Kazan, Russian Federation), **N. N. Kradin** – Doctor of Historical Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russian Federation), **A. Türk** – PhD (Budapest, Hungary), **I. Fodor** – Doctor of Historical Sciences, Professor (Budapest, Hungary), **A. A. Tishkin** – Doctor of Historical Sciences, Professor (Barnaul, Russian Federation), **V. S. Sinika** – Candidate of Historical Sciences (Tiraspol, Moldova), **B. V. Bazarov** – Academician of RAS, Doctor of Historical Sciences, Professor (Ulan-Ude, Russian Federation), **D. S. Korobov** – Doctor of Historical Sciences, Professor (Moscow, Russian Federation), **P. Degryse** – Professor (Leuven, Belgium), **Wei Jian** – Ph.D, Professor (Beijing, China).

Editorial Board:

A. A. Vybornov – Doctor of Historical Sciences, Professor (Samara State Academy of Social Sciences and Humanities, Samara, Russian Federation)
M. Sh. Galimova – Candidate of Historical Sciences (Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Kazan, Russian Federation)
R. D. Goldina – Doctor of Historical Sciences, Professor (Udmurt State University, Izhevsk, Russian Federation)
I. L. Izmaylov – Doctor of Historical Sciences (Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Kazan, Russian Federation)
S. V. Kuzminykh – Candidate of Historical Sciences (Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)
A. E. Leont'ev – Doctor of Historical Sciences (Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)
T. B. Nikitina – Doctor of Historical Sciences (Mari Research Institute of Language, Literature and History named after V. M. Vasilyev, Yoshkar-Ola, Russian Federation)

Responsible for Issue

Yu. A. Zeleneev – Doctor of Historical Sciences

Editorial Office Address:

Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation

Telephone: (843) 236-55-42

E-mail: arch.pov@mail.ru

<http://archaeologie.pro>

© Tatarstan Academy of Sciences (TAS), 2020

© Mari State University, 2020

© “Povolzhskaya Arkheologiya” Journal, 2020

Publishing House “Fän”

Kazan, Tatarstan

СОДЕРЖАНИЕ

Территории, заселенные финно-уграми, по археологическим данным

<i>Голдина Р.Д., Ясаков В.С. (Ижевск, Россия)</i>	
Предметы из раковин <i>Turbinella rugum</i> в археологических памятниках Евразии (III тыс. до н. э. – IX в. н. э.).....	8
<i>Волкова Е.В. (Казань, Россия), Куфтерин В.В. (Москва, Россия)</i>	
Население пьяноборской культуры Нижнего Прикамья по данным остеометрии (материалы могильника Старый Чекмак)	23
<i>Герман К.Э., Кочуркина С.И. (Петрозаводск, Россия)</i>	
Новые находки в юго-восточной Карелии: свидетельства этнокультурных контактов средневековых культур (по материалам поселения Икшозеро I)	36
<i>Кардаш О.В. (Сургут, Россия), Гайдакова З.Г. (Нефтеюганск, Россия)</i>	
Торговые связи населения Крайнего Севера в XI–XIV веках.....	43
<i>Иконников Д.С. (Пенза, Россия), Баишева М.И. (Спасск, Пензенская область, Россия)</i>	
Александр Августинович Кротков – первый исследователь золотоордынского города Мохши.....	59
<i>Балюнов И.В. (Тобольск, Россия)</i>	
Коньковые гребни в Западной Сибири XVI–XIX вв.	70

Изучение памятников эпохи первобытности Урала и Казахстана

<i>Карманов В.Н. (Сыктывкар, Россия)</i>	
Погребения эпох энеолита и бронзы на европейском северо-востоке России: проблема атрибуции.....	81
<i>Дегтярева А.Д. (Тюмень, Россия), Кузьминых С.В. (Москва, Россия), Ломан В.Г., Кукушкин И.А., Кукушкин А.И., Дмитриев Е.А. (Караганда, Казахстан)</i>	
Цветной металл раннеалакульской (петровской) культуры эпохи бронзы Центрального Казахстана	98
<i>Виноградов Н.Б. (Челябинск, Россия)</i>	
Антропоморфные «куклы» в погребальной обрядности могильника Кулевчи VI	117
<i>Фрикке П.А. (Екатеринбург, Россия)</i>	
Локальные особенности в оформлении курганного пространства памятников петровской культуры	124
<i>Чотбаев А.Е. (с. Катонкарагай, Казахстан)</i>	
Предметы вооружения и снаряжение коня из некрополя Каракаба.....	135

Археозоологические исследования

<i>Бугров Д.Г., Асылгараева Г.Ш. (Казань, Россия)</i>	
Животные в погребальном обряде населения	
Нижнего Прикамья первой половины I тыс. н. э.	
(по материалам Гулюковского могильника)	146
<i>Клементьев А.М. (Иркутск, Россия), Симухин А.И. (Улан-Удэ, Россия),</i>	
<i>Бурова В.В. (Иркутск, Россия), Прокопец С.Д. (Владивосток, Россия)</i>	
Иволгинское хуннское городище в Забайкалье: археозоологические	
исследования (по материалам раскопок 2017 г.)	167
<i>Бачура О.П., Лобанова Т.В. (Екатеринбург, Россия), Визгалов Г.П.</i>	
<i>(Сургут, Россия), Мартынович Н.В. (Калининград, Россия),</i>	
<i>Гимранов Д.О. (Екатеринбург, Россия)</i>	
Хозяйственные аспекты жизнедеятельности населения	
города Енисейска в XVII–XIX веках	
(по остеологическим материалам из усадьбы Баландина)	184

Хроника

<i>Бочаров С.Г., Ситдииков А.Г., Асылгараева Г.Ш. (Казань, Россия)</i>	
Общие сведения о научной деятельности Института археологии	
им. А.Х. Халикова Академии наук Татарстана в 2019 году	197
<i>Ситдииков А.Г. (Казань, Россия), Базаров Б.А., Гомбожапов А.Д.,</i>	
<i>Нолев Е.В. (Улан-Удэ, Россия), Красильников П.В. (Казань, Россия)</i>	
IV Международный конгресс средневековой археологии	
евразийских степей	217
<i>Перевозчикова С.А. (Ижевск, Россия), Кузьминых С.В. (Москва, Россия),</i>	
<i>Чижевский А.А. (Казань, Россия)</i>	
«Покой мне только снится»: к юбилею Е.М. Черных	227
<i>Нуретдинова А.Р., Хузин Ф.Ш. (Казань, Россия)</i>	
К юбилею Светланы Игоревны Валиулиной	234
<i>Антипина Е.Е. (Москва, Россия)</i>	
«Такой родной и загадочный Болгар...»	
(к юбилею Лилии Вячеславовны Яворской)	239
<i>Седышев О.В. (Саранск, Россия)</i>	
Валерий Васильевич Гришаков (1963–2019)	245
Список сокращений	248
Правила для авторов	250

CONTENTS

Areas Populated by the Finno-Ugric Peoples on the Basis of Archaeological Data

<i>Goldina R.D., Yasakov V.S. (Izhevsk, Russian Federation)</i> Turbinella Pyrum Shell Items at Eurasian Archaeological Sites (the 3 rd Millennium BC – 9 th Century AD)	8
<i>Volkova E.V. (Kazan, Russian Federation), Kufterin V.V. (Moscow, Russian Federation)</i> The Pyany Bor Culture Population of the Lower Kama Region According to Osteometric Data (Stariy Chekmak Burial Ground)	23
<i>German K.E., Kochkurkina S.I. (Petrozavodsk, Russian Federation)</i> New Finds in South-Eastern Karelia: evidence of ethnic-cultural contacts in medieval culture (on materials of the settlement of Ikshozero I)	36
<i>Kardash O.V. (Surgut, Russian Federation), Gaidakova Z.G. (Nefteyugansk, Russian Federation)</i> Trade Relations of the Population of the Far North in the 11 th – 14 th Centuries.....	43
<i>Ikonnikov D.S. (Penza, Russian Federation), Baisheva M.I. (Spassk, Penza Region, Russian Federation)</i> Alexander Avgustinovich Krotkov – the First Researcher of the Golden Horde City of Mohshy	59
<i>Balyunov I.V. (Tobolsk, Russian Federation)</i> Combs with Horse Head in Western Siberia During the 16 th – 19 th Centuries.....	70

The study of monuments of the Primitive Era in the Urals and Kazakhstan

<i>Karmanov V.N. (Syktyvkar, Russian Federation)</i> Eneolithic and Bronze Age Burials Grounds in European Northeast of Russia: Question of Attribution	81
<i>Degtyareva A.D. (Tyumen, Russian Federation), Kuzminykh S.V. (Moscow, Russian Federation), Loman V.G., Kukushkin I.A., Kukushkin A.I., Dmitriev E.A. (Karaganda, Kazakhstan)</i> Non-Ferrous Metal of Early Alakul (Petrovka) Culture of Bronze Age in Central Kazakhstan.....	98
<i>Vinogradov N.B. (Chelyabinsk, Russian Federation)</i> Anthropomorphic “Dolls” in the Funeral Rites of Kulevchi VI Burial Ground	117
<i>Fricke P.A. (Yekaterinburg, Russian Federation)</i> Local Features in the Decoration of the Mound Space of the Burial Monuments of Petrovka Culture.....	124
<i>Chotbaev A.E. (v. Katonkaragai, Kazakhstan)</i> Weapons and Equipment of a Horse from the Necropolis of Karakaba	135

Archaeozoological studies

<i>Bugrov D.G., Asylgaraeva G.Sh. (Kazan, Russian Federation)</i> Animals in a Burial Rite of the Population of the Lower Kama Region in the First Half of the 1 st Millennium AD (based on materials from Gulyukovo Burial Ground)	146
<i>Klementiev A.M. (Irkutsk, Russian Federation), A. Simukhin (Ulan-Ude, Russian Federation), Burova V.V. (Irkutsk, Russian Federation), Prokopets S.D. (Vladivostok, Russian Federation)</i> Ivolginsk Xiongnu Fortress in Transbaikalia: archaeozoological research (based on excavations 2017)	167
<i>Bachura O.P., Lobanova T.V. (Yekaterinburg, Russian Federation), Vizgalov G.P. (Surgut, Russian Federation), Martynovich N.V. (Kaliningrad, Russian Federation), D.O. Gimranov (Yekaterinburg, Russian Federation)</i> Subsistence Practices of the Population at the Yeniseysk Town in the 17 th – 19 th Centuries (based on osteological materials from the Balandin mansion)	184

Chronicle

<i>Bocharov S.G., Sitdikov A.G., Asylgaraeva G.Sh. (Kazan, Russian Federation)</i> The Main Information About Scientific Activity Institute of Archaeology Named After A.Kh. Khalikov of the Tatarstan Academy of Sciences in 2019	197
<i>Sitdikov A.G. (Kazan, Russian Federation), Bazarov B.A., Gombozhapov A.D., Nolev E.V. (Ulan-Ude, Russian Federation), Krasilnikov P.V. (Kazan, Russian Federation)</i> 4 th International Congress of the Medieval Archaeology of Eurasian Steppes	217
<i>Perevozchikova S.A. (Izhevsk, Russian Federation), Kuzminykh S.V. (Moscow, Russian Federation), Chizhevsky A.A. (Kazan, Russian Federation)</i> “I Only Dream Peace”: for the anniversary of E.M. Chernykh	227
<i>Nuretdinova A.R., Khuzin F.Sh. (Kazan, Russian Federation)</i> For the Anniversary of Svetlana Igorevna Valiulina	234
<i>Antipina E.E. (Moscow, Russian Federation)</i> “Such a Known and Mysterious Bulgar...” (for the Anniversary of Lilia Yavorskaya)	239
<i>Sedyshev O.V. (Saransk, Russian Federation)</i> Valery Vasilievich Grishakov (1963–2019)	245
List of Abbreviations.	248
Submissions	250

Изучение памятников эпохи первобытности Урала и Казахстана

УДК 903.5 902.01

<https://doi.org/10.24852/pa2020.1.31.81.97>

ПОГРЕБЕНИЯ ЭПОХ ЭНЕОЛИТА И БРОНЗЫ НА ЕВРОПЕЙСКОМ СЕВЕРО-ВОСТОКЕ РОССИИ: ПРОБЛЕМА АТРИБУЦИИ¹

© 2020 г. В.Н. Карманов

В статье публикуются сведения о достоверных погребениях на территории Республики Коми. Автором определены обстоятельства, повлиявшие на немногочисленность памятников этого типа и их слабую информативность. В результате анализа контекста и инвентаря захоронений на стоянке Ульяново и поселении Вис II возник вопрос о культурной принадлежности и времени создания этих источников. Автором предложены варианты решения этой проблемы, среди которых наиболее вероятный вариант заключается в том, что эти памятники оставлены представителями гаринской культуры. Время захоронений определяется III – первой половиной II тыс. до н.э. – периоду, который на севере таёжной зоны соответствует энеолиту, а в более южных регионах – эпохе бронзы. Вероятно также, что артефакты, такие как украшения из меди и янтаря, в изученных погребениях были статусными (престижными) и поэтому были объектами обмена, а не свидетельствами прямых миграций создателей вещей из одного региона в другой. При этом автор не исключает того, что в среде мобильных таёжных охотников-собирателей такие предметы могли также появиться вследствие грабёжа могил, удачных случайных находок и т.п.

Ключевые слова: археология, Северо-Восток Европы, энеолит, эпоха бронза, могильник, гаринская культура, абашевская культура.

Введение

Места упокоения на ЕСВ – крайне редкая категория археологических источников для изучения первобытности. Так, неизвестно погребений эпохи камня и единичны памятники энеолита и эпохи бронзы. Проблема их выявления и атрибуции обусловлена двумя факторами: геоморфологией памятников и особенностями освоения региона. Большинство археологических контекстов располагается в песчаных грунтах, слагающих верхи надпойменных террас или золowych гряд. Почвообразование на них сопровождается вымыванием и образовани-

ем элювиального и иллювиального песков. В таких условиях органика, включая антропологические остатки, сохраняется плохо. Но значительнее влияют сравнительно низкая численность и активная мобильность охотников-собирателей, периодически населявших регион с палеолита до I тыс. до н. э. Эти обстоятельства не предполагают организацию некрополей, информативных для аналитического исследования и определения культурной принадлежности и времени создания.

Известно всего три достоверных погребения энеолита и эпохи бронзы: остатки двух могил на поселении

¹ Исследование выполнено в рамках темы научно-исследовательской работы «Археологическое наследие европейского Северо-Востока России: выявление, научное описание и систематизация» (2017–2020 гг.) №АААА-А17-117021310069-5.

Рис. 1. Места упокоения энеолита и эпохи бронзы на европейском северо-востоке. 1 – Ульяновское погребение; 2 – погребения на поселении Вис II.

Fig. 1. Burials of the Eneolithic and the Bronze Age in the European North-East. 1 – Ulyanovo burial; 2 – burials at Vis II settlement.

Вис II и одной – на Ульяновской мезолитической стоянке (рис. 1). К неоднозначным данным относятся сведения о трёх объектах, которые по морфометрии или контексту обнаружения могут быть одиночными погребениями: два на поселении Дань-Дар и одно на поселении Косью (Паршуков, 2005; 2008). Но отсутствие антропологических остатков и информативного инвентаря в них заставляют сомневаться в такой интерпретации. И эти данные вряд ли будут подтверждены или опровергнуты в ходе дальнейших исследований. Напротив, на Висском могильнике на поселении Вис II (Буров, 1967б, с. 109–112, рис. 12), содержащем антропологические остатки, погребальный инвентарь отсутствовал. Эти примеры показывают, что их выявление – результат случайного обнаружения в ходе раскопок памятников другого типа, а не целенаправленного поиска.

Сведения об Ульяновском погребении опубликованы в 1965 г. (Буров, 1965, с. 91–94, рис. 16, 21, табл. 4); неоднозначные сведения об остатках могил на поселениях Дань-дар и Косью – в 2005 и 2008 г. А места упокоения на поселении Вис II, выявленные в 2000 г., представлены не в полном объеме (Карманов и др., 2001; Жуль-

ников, 2008, рис. 1, табл. 1). В связи с этим задачей статьи является ввод в научный оборот, обобщение и систематизация доступных данных о достоверных погребальных памятниках энеолита и эпохи бронзы. Основная проблема, которая ставится в работе, – атрибуция этих источников.

Ульяновское погребение

Памятник выявил Г.М. Буров в 1959 г. в ходе раскопок мезолитической стоянки Ульяново. Место упокоения приурочено к мысу коренного берега, заключенного между руслом р. Вычегды и ее притоком – руч. Дзёляозяг (рис. 2). Исследователь описал обстоятельства его обнаружения, параметры и инвентарь (Буров, 1965, с. 91–94, рис. 16, 21, табл. 4). По аналогиям бляшке-розетке (рис. 3: I; 4: 1), шилу (рис. 3: I; 4: 5) и наконечникам стрел (рис. 3: I; 4: 3, 4) он определил принадлежность погребения раннему этапу абашевской культуре эпохи бронзы и датировал его XVI–XI вв. до н. э. (Буров, 1965, с. 94).

Сегодня правомерно задать этому источнику три вопроса. Первый адресован стратиграфии (рис. 3: III), согласно которой заполнение могильной ямы – белёсый песок или элювиальный горизонт, естественно слагающий верхи террас, коренных берегов и эоловых дюн. При этом признаки перемещенного грунта, образовавшегося при выкапывании могильной ямы и ее засыпки, не отмечены. Такая си-

Рис. 2. Ульяновское погребение и стоянка Ульяново 1. Ситуационный план.
1 – раскопы 1959 г. и их номер; 2 – шурф 1957 или 1959 гг.

Fig. 2. Ulyanovo burial and Ulyanovo 1 site. General layout. 1 – excavations of 1959 and their number; 2 – prospect pit of 1957 or 1959.

туация маловероятна, поскольку образование элювиального песка в подзолистых почвах связано напрямую с промыванием грунта талыми водами и дождями в условиях хвойных лесов и холодного климата. Его контакты с нижележащими горизонтами всегда неровные и неопределенные, поскольку ограничены геохимическими барьерами, которые периодически разрушаются корнями деревьев. В связи с этим такой грунт не мог равномерно заполнить могильную яму и пространство за ней.

Второй вопрос возник неожиданно после изучения мною двух кремнёвых наконечников стрел. Один из них найден в основании заполнения могилы (рис. 3: I; 4: 3), другой – в 0,5 м к западу от нее (рис. 3: II; 4: 4). Г.М. Буров определил их как треугольно-черешковые (Буров, 1965, с. 92). Эта форма с вариациями в пропорциях пера, шипов и черешка характерна для многих культур эпохи бронзы лесной зоны (напр.: Эпоха бронзы..., 1987, рис. 27,

42, 63, 67, 75, 76). Не являются исключением и памятники этого периода на ЕСВ: Чудгудорьяг на Средней Вычегде (Логинова, 1993, с. 51, рис. 4: 3–6, 9–11); Атаманнюр I и Топыднюр XIII на р. Печоре; Адзья II на р. Адзье (Стоколос, 1988, с. 223, табл. 24: 18, 21; с. 226, табл. 27: 16; с. 229, табл. 30, рис. 1; с. 234, табл. 35: 8, 9). Это указывает на ее универсальность и, возможно, что она является имитацией вида металлических наконечников.

У наконечников стрел Ульяновского погребения есть особенности (рис. 5): на них выявлены макроследы подправки, в результате которой их первоначальная форма была изменена. Признаки переоформления выражаются в разнице поверхностей: негативы вторичных снятий – глянцевого, первичных – матовые. На орудии, найденном вне погребения, фасетки «второго слоя» отличаются меньшими размерами и ступенчатыми заламами. Наконечник из могилы имеет неоднородную окраску кремня:

Рис. 3. Ульяновское погребение. I – план погребения и его инвентарь по: Буров, 1965.

Рис. 21): 1, 2 – бляшка и обломок неопределимого изделия (браслет или подвеска); 3 – шило; 4, 5 – наконечники стрел; II – план раскопа № III по: Буров, 2007. Рис. 2); артефакты мезолита: 1 – кремнёвые пластины; 2 – кварцитовые отщепы и осколки; 3 – кварцитовый топор; культурные остатки эпохи бронзы: 4 – отщепы; 5 – обломки кальцинированных костей и их скопление; 6 – необработанные гальки и валуны – состав обкладки очага; III – разрезы погребения.

Fig. 3. Ulyanovo burial. I – burial plan and inventory after: Burov, 1965. Fig. 21): 1, 2 – plaque and fragment of an unidentified product (bracelet or pendant); 3 – awl; 4, 5 – arrowheads; II – plan of excavation site No. III after: Burov, 2007. Fig. 2); Mesolithic artifacts: 1 – flint blades; 2 – quartzite flakes and shatters; 3 – quartzite axe; cultural remains of the Bronze Age: 4 – flakes; 5 – fragments of burnt bones and their concentrations; 6 – untreated pebbles and boulders – remains of slab-lined hearth; III – sections of the burial.

Рис. 4. Ульяновское погребение. Инвентарь. 1 – бляшка; 2 – обломок неопределимого изделия браслет или подвеска); 3, 4 – наконечники стрел; 5 – шило.
1, 2, 5 – медь; 3, 4 – кремнь.

1–3, 5 – основание заполнения могильной ямы; 4 – вне погребения.

Fig. 4. Ulyanovo burial. Inventory. 1 – plaque; 2 – fragment of an unidentified item (bracelet or pendant); 3, 4 – arrowheads; 5 – awl.

1, 2, 5 – copper; 3, 4 – flint. 1–3, 5 – basis of grave pit filling; 4 – area outside the burial.

пятна пепельного и розоватого цветов на сером фоне; в заломках сохранились остатки охры или прокаленного грунта. Другой предмет, как может показаться, изготовлен из кремня сургучного цвета. Однако не исключено, что окраска обоих кремней – вторична, и учёт всей совокупности признаков указывает на то, что орудия первоначального вида были намеренно нагреты, а затем переоформлены. Причём подправка коснулась только одной продольной части каждого из орудий. Поскольку наконечники стрел этого типа, как правило, симметричны или имеют тенденцию к таковым, то правомерно представить согласно осевой симметрии их форму, близкую первоначальной (рис. 5). Заманчиво связать с захоронением остатки очага с обкладкой, выявленные в 4 м к юго-

западу от погребения, и интерпретировать его как ритуальное кострище, характерное для курганных могильников Поволжья (Крайнов, Уткин, 1991). Также можно предположить, что именно оно использовалось для намеренного нагрева кремней. Но доказать эту связь невозможно, поскольку информативный инвентарь в нём отсутствовал. По свидетельству Г.М. Бутова, здесь обнаружены обломки костей животных и 10 отщепов и осколков сероватого матового кремня, а рядом с ним – два очень мелких фрагмента стенок керамического сосуда без орнамента (Бутов, 1967а, с. 44, 45).

Признаки переоформления наконечников стрел очень убедительны, но возникают вопросы: с какой целью, когда и кем было осуществлено изменение их формы? Можно предложить два варианта интерпретации. Первый – обыденный – это подправка обломанных частей орудий. Но тепловая обработка для этого излишня, ведь если создатель этих орудий обошёлся без нее, то зачем она понадобилась для последующего переоформления? Также важно, что результатом подправки было не восстановление второго шипа и симметрии орудия, а, напротив, их нарушение. Отсюда второй вариант интерпретации, правомерный

в связи с контекстом места упокоения: намеренный нагрев и частичное переоформление орудий – особенности погребального обряда. Придание иных свойств (нагрев) и изменение первоначального облика вещи – аналог ритуальной порчи. Это тема специального исследования и для ее раскрытия требуется более широкая фактическая база, которой я пока не располагаю. Статус вещи в культуре определяется контекстом и в погребении он соответствующий, но мы не знаем, когда была сделана подправка орудий: в связи с захоронением или до него без всякой ассоциации с ним. Отсюда, положение предметов в могилу – ритуал, а действие по изменению форм этих предметов может быть как профанным, так и сакральным.

Кроме того, такие особенности подправки могут указывать на то, что мастер, создавший эти наконечники, и человек, переоформивший их, – представители разных культур. В связи с этим правомерно задать вопрос об атрибуции Ульяновского погребения как захоронения носителя абашевской культуры. Исследователи единодушно определяют набор признаков её погребений: курганная насыпь; обязательное наличие керамической посуды; медных украшений, в т.ч. сложносоставных, включающих бляшки-розетки; полное отсутствие орудий труда и вооружения (напр.: Большов, 2003б, с. 90). Среди этих признаков Ульяновское погребение характеризует только бляшка-розетка. Курганная насыпь здесь может отсутствовать по двум причинам: 1) ее не было изначально; 2) она была развеяна или уничтожена хозяйственной деятельностью. К сожалению, зафиксированная стратиграфия не даёт ответы на этот вопрос. Отсутствие керамической посуды в

засыпи могилы и на окружающей ее территории – значимый признак, указывающий на слабую вероятность соответствия Ульяновского захоронения погребальному обряду абашевской культуры. Также значимым показателем является присутствие наконечников стрел в самой могиле и рядом с ней, что не характерно для памятников этой традиции во всех регионах обитания ее носителей.

В работе 1965 г. Г.М. Буров полагал, что «проникновение абашевских вещей на север относится ко времени, когда правобережное население перешло на Волгу и осело в Волго-Вятском междуречье» (Буров, 1965, с. 94). То есть это может означать принадлежность найденного инвентаря этой культуре, но не погребенного. Однако в 1986 г. и позднее в 1991 г. исследователь, основываясь на материалах Ульяновского погребения и материалах раскопок памятников с профилированной посудой эпохи бронзы на ЕСВ, настаивает на том, что «появлению таких сосудов причастна абашевская, а не фатьяновская культура» (Буров, 1986, с. 16; 1991). Проблема происхождения носителей керамики «фатьяноидных» типов на ЕСВ сложна и требует специальных исследований всех источников, а не только керамической посуды, вырванной из разных контекстов. Уместен здесь комментарий: на территории распространения могильников Средней Волги информативные поселенческие памятники этой культуры неизвестны (Соловьев, 2000, с. 63); малочисленны они в Приуралье и на Дону. Зато на севере таёжной зоны, согласно точке зрения Г.М. Букова, они присутствуют и документируют активное взаимодействие с местным населением. Это, конечно, сомнитель-

Рис. 5. Ульяновское погребение. Иллюстрация подправки наконечников стрел после намеренной тепловой обработки первоначальных изделий: в левой части каждого орудия поверхность фасеток ретуши глянцевая, в правой – матовая; также признаками термического воздействия являются неоднородная окраска с пятнами пепельного и розоватого цветов № 1) и фасетки со ступенчатым окончанием № 2).

Fig. 5. Ulyanovo burial. Illustration of the processing of arrowheads after intentional heat treatment of the original items: on the left side of each tool, the surface of the retouch facets is gloss, and on the right it is matte; also, the signs of thermal exposure include heterogeneous coloration with ash and pink spots No. 1) and facets with stepped terminal areas No. 2).

но. Ведь памятники, в разной степени связанные с этой культурой, в лесной зоне немногочисленны и все они представляют неординарные контексты: Кухмарский курганный могильник (Крайнов, Уткин, 1991); одиночное погребение абашевской культуры на стоянке Сахтыш I (Костылева, Уткин, 2010, с. 12, рис. 3) и, возможно, погребение на стоянке Николо-Перевоз II (Уткин, 1993, с. 4, 5); находка медной бляшки-розетки и кремнёвого наконечника стрелы в расщелине скалы на жертвенном месте Камень Писанный на р. Вишере (Бадер, 1954, с. 250, рис. 6: 3, 4).

Таким образом, анализ контекста Ульяновского погребения, результаты его полевого исследования, аналогии на сопредельных территориях не позволяют однозначно атрибутировать памятник. Возможны два варианта. Согласно первому, предложенному еще Г.М. Буровым, погребен представитель абашевской культуры. В таком случае это свидетельство одного из вариантов дальнейшей судьбы ее населения – расселения «средневож-

ских абашевцев» и растворения их следов среди лесных культур эпохи бронзы (напр.: Пряхин, 1977, с. 59). Отмеченные выше особенности могут объясняться трансформацией погребального обряда в результате протяженной миграции: расстояния по прямой между регионами составляют около 700 км.

Наиболее вероятное объяснение – медные и кремнёвые изделия могли составлять «фонд межкультурного обмена». Их связь с абашевской культурой несомненна, но конечными пользователями этих вещей могли быть таёжные охотники-собиратели любой из синхронных или последующих культур. Имеющиеся неоднозначные радиуглеродные определения относят их к широкому диапазону от сер. IV до сер. II тыс. до н. э. (Карманов, 2018). Это соответствует хронологии гаринской культуры, предложенной А.Ф. Мельничуком. При этом ее поздний этап он относит к концу III – нач. II тыс. до н. э. Судя по находкам медных предметов на исходной территории их обитания в Прикамье,

Рис. 6. Ситуационный план поселения Вис II. А – погребения, исследованные в 2000 г.; Б – янтарная пронизка; В – Висский могильник.
1 – раскопы 1960–64, 2000 гг.; 2 – шурфы 1959–64 гг.

Fig. 6. General layout of Vis II settlement. А – burials investigated in 2000; Б – amber thread; В – Vis burial ground. 1 – excavations of 1960–1964, 2000; 2 – prospect pits of 1959–1964.

Рис. 7. Поселение Вис II. Погребения. 1 – янтарные пуговицы; 2 – кремнёвый бифас; 3, 4 – неоднородный песок в разной степени насыщенный охрой – следы погребений.

Fig. 7. Vis II settlement. Burials. 1 – amber buttons; 2 – flint biface; 3, 4 – heterogeneous sand with various ochre saturation – traces of burials.

население абашевской и гаринской культур имело прямые или опосредованные связи друг с другом (Мельничук, 2013, с. 158). На это указывают и артефакты из расщелины скалы на Камне Писаном (Бадер, 1954, рис. 6: 1–3). Кроме того, исследователи полагают, что медь, из которой изготовлены предметы обеих культур, добыта из одного источника – медистых песчаников Приуралья (Буров, 1967б, с. 106; Кузьминых и др., 2013, с. 20). Тепловая обработка кремня и последующее переоформление наконечников стрел Ульяновского погребения также может указывать на носителей гаринской или связанной с ней генетически лебяжской культурой (Стоколос, 1988, с. 152–155).

Погребения на поселении Вис II

Остатки двух погребений выявлены в 2000 г. во время раскопок поселения Вис II (Карманов и др., 2001), занимающего эрозионный песчаный останец надпойменной террасы, покрытой ооловой грядой (рис. 6). Судя по положению изученных объектов (рис. 6: А), они могли составлять более протяженный ряд захоронений, обнаружение которых следует ожидать в северо-западном и/или северном направлениях от раскопанной площади памятника. Возможно, янтарная пронизка, найденная вне контекста погребений в разновременных отложениях (рис. 6: Б), является частью инвентаря некогда разрушенного места упокоения.

Остатки захоронений в 2000 г. обнаружены после разборки современной пахоты мощностью в среднем 0,2–0,25 м. В связи с этим могильные ямы не зафиксированы, а места упокоения обозначены пятнами неоднородного песка, насыщенного охрой. Представленные на плане контуры этих пятен – лишь следы погребений, которые свидетельствуют об их согласованной ориентировке по линии ЮЗ–СВ или параллельно современному руслу р. Вис. О таких важных параметрах, как размеры и глубина ям, можно судить лишь предположительно, поскольку охристый песок деформирован геохимическими процессами: «растеканием» на плане и по глубине и локальными разрушениями, в т.ч. норами землеройных животных. Антропологические остатки не обнаружены.

Погребение № 1 зафиксировано на глубине около 0,25 м от дневной поверхности в виде пятна подовальной в плане формы размерами 2,10×0,8 м преимущественно на фоне светло-желтого иллювиального песка (рис. 7). Заполнение основания могильной ямы – смешанный темный песок с включением песка сизого оттенка и охры. Его ориентация – ЮЮЗ–ССВ. О глубине ямы судить трудно: верхи отложений, связанных с нею, были уничтожены при распашке поверхности, а от уровня первой фиксации она составляет 0,25 м.

Погребальный инвентарь (рис. 8: 1–10) представляют 22 янтарные пуговицы округлой формы диаметром от 15 до 22 мм и с V-образным сверлением. В ряде случаев отверстия сквозные (рис. 8: 1, 2, 4, 5), но, вероятно, это объясняется повреждением предметов. На рисунке 8 представлены 10 изделий наилучшей сохранности. Они

обнаружены преимущественно в центральной части погребения, тяготея к южной трети могилы. На отдельных участках пуговицы, вероятно, занимали первоначальное положение в два ряда, что свидетельствует о том, что они являлись частью погребальной одежды. Вместе с тем хаотичное расположение некоторых находок в плане и по глубинам, а также смешанный характер заполнения свидетельствуют о поздних локальных разрушениях могилы. Необходимо отметить, что это самая представительная коллекция янтарных украшений на ЕСВ: на других памятниках – поселениях Ягу-яр (жил. № 1), Чойновты II (жил. № 13) и Попьюга (жил. № 9) найдены лишь единичные подвески.

Погребение № 2 выявлено на уровне 20 см от дневной поверхности на фоне светло-желтого иллювиального песка (рис. 7). Его следы имели вид пятна подовальной в плане формы размерами 2,92×1,40 м. На уровне около 40 см от современной поверхности имело очертания, близкие прямоугольнику. Мощность сохранившейся нижней части заполнения составляет около 0,28 м. Северная часть погребения разрушена ямой неопределенного назначения и времени.

Погребальный инвентарь представляет кремнёвый бифас – накопчик копья или кинжал/нож, залегавший в южной части могилы. Он имеет асимметричную в плане форму (рис. 8: 11): один край дугообразный, а другой имеет вид ломаной линии с мелкими треугольными выступами и неглубокими выемками. Такая асимметрия изделия объясняется его подправкой, макроследы которой выражаются негативами более крупных сколов на «фоне» более узких и субпараллельных фасеток. Возможно,

Рис. 8. Поселение Вис II. Инвентарь погребений.
1–10 – янтарные пуговицы погр. № 1; 11 – кремнёвый наконечник копья погр. № 2.

Fig. 8. Vis II settlement. Inventory of the burials.
1–10 – amber buttons, burial No. 1; 11 – flint biface burial No. 2.

анализ микроследов позволит найти дополнительные признаки, подтверждающие это. Судя по контрастной окраске кремня и гляncy поверхности, основа этого бифаса подвергнута термической обработке для дальнейшего расщепления. Таким образом, обнаруживаются явные параллели с наконечниками стрел Ульяновского погребения.

Слабая информативность изученных мест упокоения не позволяет в полной мере представить погребальный обряд. Даже современная ориентация могил относительно р. Вис неоднозначна, поскольку русло реки активно меандрировало и меняло свое положение в течение всего голоцена (Буров, 1967б, с. 21, рис. 5). Посыпка охрой и сопровождающий инвентарь в виде янтарных пуговиц и кремнёвого бифаса – единственные признаки, определяющие обряд и возможность на основе доступных аналогий атрибутировать этот источник.

Обобщение, систематизацию и анализ данных о памятниках с янтарными украшениями в лесной зоне Восточной Европы провел А.М. Жульников (2008), поэтому в настоящей статье такая работа излишня. Захоронения на Висе II и вышеперечисленные поселения ЕСВ с янтарем занимают крайнее северо-восточное положение. Поэтому их пространственное соотношение с памятниками с янтарными украшениями не позволяет однозначно решить вопрос о том, с какой из областей распространения таких изделий связаны вещи погребений на этом поселении. Препятствует пониманию этого явления обширное «белое пятно» на современных территориях Республики Коми, Архангельской и Вологодской (за исключением

крайней западной части) областей (Жульников, 2008, рис. 1, 2; Недомолкина, 2014). Необходимо отметить их значительную удаленность от ареалов «янтарных» культур и памятников, расстояние до которых составляет от 800 до 1000 км по прямой.

Наиболее многочисленные аналоги инвентарю этих погребений на поселении Вис II и их контексту можно найти в материалах могильников раннего этапа волосовской культуры, а также наиболее близко расположенных остатков некрополей Каргулино (Ошибкина, 1978, с. 130, 131, табл. 52: 2–6) и Тудозеро VI (Иванищев, 1996). На этом основании правомерно датировать их первой половиной III тыс. до н. э. (Костылёва, Уткин, 2010, с. 255, 256), но для памятника такой информативности и пространственной удалённости не исключена и датировка, предложенная А.М. Жульниковым, – вторая половина III – рубеж III–II тыс. до н. э. (Жульников, 2008, табл. 1). При этом на ЕСВ достоверные контексты волосовской культуры и аналогии керамике Тудозеро VI отсутствуют. Этот период – время присутствия на ЕСВ гаринской культуры, которую исследователи объединяют с волосовской в историко-культурную общность или область (напр.: Шорин, 1999, с. 35–40). В связи с этим заманчиво связать погребения именно с этой культурой (по В.С. Стоколосу – чойновтинской) (1997, с. 229–240). Следы обитания и пребывания ее населения или, по крайней мере, разной степени влияние широко распространены на северо-востоке Европы от Урала до р. Северной Двины и, возможно, далее на запад. Поэтому не исключено, что эти мобильные охотники могли принимать участие в об-

мене изделиями из янтаря и другими статусными (престижными или экзотическими) артефактами.

Результаты и обсуждение

Изученные в статье источники, как может показаться, незначительны и не информативны для изучения эпох энеолита и бронзы на ЕСВ. Однако как бы мы не решили проблему их атрибуции, именно география таких неординарных контекстов даёт возможность судить о протяженности и направлении путей миграций и/или связей людей того времени. Наиболее вероятно, что артефакты, подобные медным или янтарным украшениям из захоронений ЕСВ, составляли «фонд межкультурного обмена», а не являлись «попутчиками» прямых протяженных миграций их создателей. Более того в культурах таёжных бродячих охотников-собираателей пути таких вещей от их творцов до последних пользователей могут быть самыми разными и неожиданными. Это не только установление родственных или свойственных связей путём обмена,

но и грабёж могил, удача случайных находок и т.п. В связи с этим для их исследователей проблема атрибуции таких источников будет всегда иметь неоднозначное решение. В контексте истории освоения ЕСВ погребенные на стоянке Ульяново и поселении Вис II с высокой степенью вероятности – представители гаринской культуры. Предварительно время создания этих источников относится к III – первой половине II тыс. до н. э.

В результате анализа инвентаря достоверных погребений неожиданно выявлен факт намеренного нагрева и переоформления кремнёвых изделий. Это могло иметь утилитарное значение с целью подправки сломанных частей орудий и совершаться вне связи с захоронениями, но не исключено, что такие изменения первоначальных свойств артефактов являлись частью погребального обряда. Для решения этого вопроса необходимо накопление фактической базы на основе анализа кремнёвых артефактов синхронных могильников.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бадер О.Н. Жертвенное место под Писаным камнем на р. Вишере // СА. № 21 / Отв. ред. А.Я. Брюсов. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 241–258.
2. Большов С.В. Средневожская абашевская культура (по материалам могильников) / Труды МАЭ. Т. VIII. Йошкар-Ола: МарНИИ, 2003а. 184 с.
3. Большов С.В. Структурообразующие признаки средневожской абашевской культуры // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие. Материалы международной научной конференции / Ред. В.С. Бочкарев и др. Чебоксары: ЧГИИ, 2003б. С. 89–91.
4. Буров Г.М. Вычегодский край. Очерки древней истории. М.: Наука, 1965. 200 с.
5. Буров Г.М. Археологические памятники Вычегодской долины. Сыктывкар: Коми книжное изд-во, 1967а. 96 с.
6. Буров Г.М. Древний Синдор (из истории племен Европейского Северо-Востока в VII тысячелетии до н.э. I тысячелетии н.э.). М.: Наука, 1967б. 220 с.
7. Буров Г.М. Крайний северо-восток Европы в эпоху мезолита, неолита и раннего металла. Автореф. дисс...д-ра. ист. наук. Новосибирск, 1986. 37 с.
8. Буров Г.М. Поселения абашевской традиции на крайнем северо-востоке Европы // Поздний энеолит и культуры ранней бронзы лесной полосы европейской части СССР / АЭМК. Вып. 19 / Науч. ред. Г.А. Архипов, Б.С. Соловьев. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1991. С. 135–146.

9. Буров Г.М. Стоянка Ульяново на Средней Вычегде в связи с изучением мезолитических жилищ на крайнем северо-востоке Европы // Каменный век Европейского Севера / Отв. ред. А.В. Волокитин. Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2007. С. 165–174.
10. Жульников А.М. Обмен янтарём в Северной Европе в III тыс. до н.э. как фактор социального взаимодействия // Проблемы биологической и культурной адаптации человеческих популяций. Т. 1. Археология: Адаптационные стратегии древнего населения Северной Евразии: сырьё и приёмы обработки / Отв. ред. Г.А. Хлопачев. СПб.: Наука, 2008. С. 134–145.
11. Иванищев А.М. Могильник на Тудозере // Известия Вологодского общества изучения Северного края. Вып. V / Отв. ред. С.П. Белов. Вологда: Легия, 1996. С. 3–28.
12. Карманов В.Н. Проблемы хронологии энеолита крайнего северо-востока Европы // Уральский исторический вестник. 2018. № 3 (60). С. 115–125.
13. Карманов В.Н., Зеленский В.С., Семенов В.А. Раскопки поселения Вис II // Археологические открытия 2000 года / Отв. ред. В.В. Седов. М.: Наука, 2001. С. 21.
14. Костылёва Е.Л., Уткин А.В. Нео-энеолитические могильники Верхнего Поволжья и Волго-Окского междуречья: планиграфические и хронологические структуры. М.: ТАУС, 2010. 300 с.
15. Крайнов Д.А., Уткин А.В. Курганный могильник у ручья Кухмарь на Плещеевом озере // Поздний энеолит и культуры ранней бронзы лесной полосы европейской части СССР / АЭМК. Вып. 19 / Науч. ред. Г.А. Архипов, Б.С. Соловьев. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1991. С. 147–159.
16. Кузьминых С.В., Дегтярева А.Д., Денисов В.П. Металлообработка гаринской культуры верхнего и среднего Прикамья (по данным аналитического исследования) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2013. № 4 (23). С. 13–21.
17. Логинова Э.С. Поселение Чудгудорьяг // Взаимодействие культур Северного Приуралья в древности и средневековья / МАЕСВ. Вып. 12 / Отв. ред. Э.А. Савельева.. Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 1993. С. 41–59.
18. Мельничук А.Ф. Хронология гаринской культуры в Среднем Приуралье // Проблемы периодизации и хронологии в археологии эпохи раннего металла Восточной Европы: Материалы тематической научной конференции / Отв. ред. Е.А. Черленок. СПб.: Скифия-принт, 2013. С. 157–161.
19. Недомолкина Н.Г. Янтарные украшения эпохи камня с памятников Вологодской области // Археология Севера. Вып. 6 / Отв. ред. А.В. Кудряшов. Череповец: Череповецкое музейное объединение, 2014. С. 42–49.
20. Ошибкина С.В. Неолит Восточного Прионежья. М.: Наука, 1978. 231 с.
21. Паришук Ю.В. Дань-Дар – новый энеолитический памятник на Средней Вычегде // Памятники эпохи камня, раннего металла и средневековья / МАЕСВ. Вып. 17 / Отв. ред. Э.А. Савельева.. Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 2005. С. 23–33.
22. Паришук Ю.В. К проблеме идентификации погребальных комплексов эпохи раннего металла Вычегодского края // Материалы докладов I Всероссийской молодёжной научной конференции «Молодёжь и наука на Севере» / Отв. ред. Н.В. Ладанова. Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 2008. С. 47–48.
23. Пряхин А.Д. Погребальные абашевские памятники. Воронеж: изд-во Воронежского ун-та, 1977. 167 с.
24. Соловьев Б.С. Бронзовый век Марийского Поволжья // Тр. МАЭ. Т. VI. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2000. 264 с.
25. Стоколос В.С. Культуры эпохи раннего металла Северного Приуралья. М.: Наука, 1988. 256 с.
26. Стоколос В.С. Энеолит // Археология Республики Коми. Ч. 4. Гл. 1 / Отв. ред. Э.А. Савельева. М.: ДиК, 1997. С. 213–245.
27. Уткин А.В. Одиночные могилы абашевцев в лесах Восточной Европы // Древние памятники Окского бассейна: сборник научных статей / Отв. ред. В.П. Челябинов.

Рязань: НПЦ по охране и использованию памятников истории и культуры Рязанской области, 1993. С. 3–6.

28. Шорин А.Ф. Энеолит Урала и сопредельных территорий: проблемы культурогенеза. Екатеринбург: УРО РАН, 1999. 181 с.

29. Эпоха бронзы лесной полосы СССР / Археология СССР / Отв. ред. О.Н. Бадер, Д.А. Крайнов, М.Ф. Косарев. М.: Наука, 1987. 472 с.

Информация об авторе:

Карманов Виктор Николаевич, кандидат исторических наук, зав. сектором. Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН (г. Сыктывкар, Россия); vkarman@bk.ru

ENEOLITHIC AND BRONZE AGE BURIALS GROUNDS IN EUROPEAN NORTHEAST OF RUSSIA: QUESTION OF ATTRIBUTION

V.N. Karmanov

The paper reports data on the reliable burials of the Eneolithic and Bronze Age in the territory of the Komi Republic. The author identified the circumstances that influenced the small number of this type of sites and poor information content. The context and inventory of the burials at the Ulyanovo site and Vis II settlement have been analyzed. As a result the question about the cultural affiliation and age of these burials arose. The author proposed solutions to this issue, among which it is most likely variant was considered that the buried persons were the representatives of the Garino culture. Time of these funeral events is determined by 3rd – 1st half of II millennium BC – the period which in the north of the taiga zone corresponds to the Eneolithic, and in the regions to the south – the Bronze Age. It is also likely that these artifacts such as copper and amber decorations in the studied burials were status (prestigious) and therefore were objects of exchange, but were not the evidences of direct migrations of the creators of these items from one region to another. At the same time, the author does not exclude that such items could also appear in the environment of mobile taiga hunter-gatherers as a result of grave robberies, successful random finds, etc.

Keywords: archaeology, northeast of Europe, Eneolithic, Bronze Age, burial ground, Garino culture, Abashevo culture.

REFERENCES

1. Bader, O. N. 1954. In Bryusov, A. Ya. (ed.). *Sovetskaya Arkheologiya (Soviet Archaeology)* 21. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 241–258 (in Russian).
2. Bol'shov, S. V. 2003. *Srednevolzhskaya abashevskaya kul'tura (po materialam mogil'nikov) (Abashevo Culture in the Middle Volga Basin: by Materials of the Burial Grounds)*. Series: Trudy Mariiskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of Mari Archaeological Expedition) VIII. Yoshkar-Ola: Mari Scientific and Research Language, Literature, and History Institute (in Russian).
3. Bol'shov, S. V. 2003. In Bochkarev, V. S. et al (eds.). *Abashevskaya kul'turno-istoricheskaya obshchnost': istoki, razvitie, nasledie (The Abashevo cultural and historical communion: Genesis, Development, Heritage)*. Chuvash State Research Institute for Humanities, 89–91 (in Russian).
4. Burov, G. M. 1965. *Vychegodskiy kray. Ocherki drevney istorii (Vycheгда River Area. Essays on Ancient History)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
5. Burov, G. M. 1967. *Arkheologicheskie pamyatniki Vychegodskoy doliny (Archaeological Sites of Vycheгда Valley)*. Syktyvkar: "Komi knizhnoe izd-vo" Publ. (in Russian).

The research was conducted according to the research work "Archaeological heritage of northeastern Europe of Russia: discovery, scientific description and systematization" (2017–2020). No. AAAA-A17-117021310069-5.

6. Burov, G. M. 1967. *Drevniy Sindor (iz istorii plemen Evropeyskogo Severo-Vostoka v VII tysyacheletii do n.e. I tysyacheletii n.e.) (Ancient Sindor (from the History of the Tribes of the European North-East in the 7th Millennium BC – 1st Millennium BC))*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
7. Burov, G. M. 1986. *Krayniy severo-vostok Evropy v epokhu mezolita, neolita i rannego metalla (The Extreme North-East of Europe in the Mesolithic, Neolithic and Early Metal Ages)*. Doct. Diss. Thesis. Novosibirsk (in Russian).
8. Burov, G. M. 1991. In Arkhipov, G. A., Solov'ev, B. S. (eds.). *Pozdnyy eneolit i kul'tury ranney bronzy lesnoy polosy evropeyskoy chasti SSSR (Late Eneolithic and the Cultures of the Early Bronze Age in the Forest Area of the European Part of the USSR)*. Series: Arkheologiya i etnografiya Mariiskogo kraia (Archaeology and Ethnography of Mari Land) 19. Yoshkar-Ola: Mari Research Institute of Language, Literature, and History, 135–146 (in Russian).
9. Burov, G. M. 2007. In Volokitin, A. V. (ed.). *Kamenniy vek Evropeyskogo Severa (Stone Age of the European North)*. Syktyvkar: Institute of Language, Literature and History, Komi Research Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 165–174 (in Russian).
10. Zhul'nikov, A. M. 2008. In Khlopachev, G. A. (ed.). *Problemy biologicheskoy i kul'turnoy adaptatsii chelovecheskikh populyatsiy. T. 1. Arkheologiya: Adaptatsionnye strategii drevnego naseleniya Severnoy Evrazii: syr'e i priemy obrabotki (Issues of Biological and Cultural Adaptation of Human Populations. Vol. 1. Archaeology: Adaptation Strategies of the Ancient Population of Northern Eurasia: Raw Materials and Processing Techniques)*. Saint Petersburg: "Nauka" Publ., 134–145 (in Russian).
11. Ivanishhev, A. M. 1996. In Belov, S. P. (ed.). *Izvestiya Vologodskogo obshchestva izucheniya Severnogo kraia (Bulletin of the Vologda Society for Northern Territory Studies)* 5. Vologda: "Legiya" Publ., 3–28 (in Russian).
12. Karmanov, V. N. 2018. In *Ural'skiy istoricheskiy vestnik (Ural Historical Journal)* 60 (3). 115–125 (in Russian).
13. Karmanov, V. N., Zelenskiy, V. S., Semenov, V. A. 2001. In Sedov, V. V. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiia 2000 goda (Archaeological Discoveries of 2000)*. Moscow: "Nauka" Publ., 21 (in Russian).
14. Kostyleva, E. L., Utkin, A. V. 2010. *Neo-eneoliticheskie mogil'niki Verkhnego Povolzh'ya i Volgo-Okskogo mezhdurech'ya: planigraficheskie i khronologicheskie struktury (Neolithic -Eneolithic Burial Grounds on the Upper Volga and the Volga-Oka Interfluvium: Planigraphic and Chronological Structures)*. Moscow: "TAUS" Publ. (in Russian).
15. Krainov, D. A., Utkin, A. V. 1991. In Arkhipov, G. A., Solov'ev, B. S. (eds.). *Pozdnyy eneolit i kul'tury ranney bronzy lesnoy polosy evropeyskoy chasti SSSR (Late Eneolithic and the Cultures of the Early Bronze Age in the Forest Area of the European Part of the USSR)*. Series: Arkheologiya i etnografiya Mariiskogo kraia (Archaeology and Ethnography of Mari Land) 19. Yoshkar-Ola: Mari Research Institute of Language, Literature, and History, 149–159 (in Russian).
16. Kuz'minykh, S. V., Degtiareva, A. D., Denisov, V. P. 2013. In *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii (Vestnik Archeology, Anthropology and Ethnography)* 23 (4), 13–21 (in Russian).
17. Loginova, E. S. 1993. In Savelyeva, E. A. (ed.). *Vzaimodeystvie kul'tur Severnogo Priural'ya v drevnosti i srednevekov'e (Interaction of Cultures of the Northern Cis-Urals in Antiquity and the Middle Ages)*. Series: Materials on the Archaeology of Northeast (12). Syktyvkar: Institute of Language, Literature and History, Komi Research Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 41–59 (in Russian).
18. Mel'nichuk, A. F. 2013. In Cherlenok, E. A. (ed.). *Problemy periodizatsii i khronologii v arkheologii epokhi rannego metalla Vostochnoy Evropy: Materialy tematicheskoy nauchnoy konferentsii (Issues of Periodization and Chronology in the Archaeology of the Early Metal Period of Eastern Europe: Proceedings of the Thematic Scientific Conference)*. Saint Petersburg: "Skifiya-print" Publ., 157–161 (in Russian).
19. Nedomolkina, N. G. 2014. In Kudryashov, A. V. (ed.). *Arkheologiya Severa (Archaeology of the North)* 5. Cherepovets: "Cherepovetskoe muzeynoe ob'edinenie" Publ., 42–49 (in Russian).
20. Oshibkina, S. V. 1978. *Neolit Vostochnogo Prionezh'ya (Neolithic of the Eastern Onega Region)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
21. Parshukov, Yu. V. 2005. In Savelyeva, E. A. (ed.). *Pamyatniki epokhi kamnya, rannego metalla i srednevekov'ya (Monuments of the Stone Age, Early Metal Period and the Middle Ages)*.

Series: Materials on the Archaeology of Northeast (17). Syktyvkar: Institute of Language, Literature and History, Komi Research Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 23–33 (in Russian).

22. Parshukov, Yu. V. 2008. In Ladanova, N. V. (ed.). *Materialy dokladov I Vserossiyskoy molodezhnoy nauchnoy konferentsii «Molodezh' i nauka na Severe»* (Reports of the 1st All-Russian Youth Scientific Conference “The Youth and Science in the North”). Syktyvkar: Institute of Language, Literature and History, Komi Research Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 47–48 (in Russian).

23. Pryakhin, A. D. 1977. *Pogrebal'nye abashevskie pamyatniki* (Abashevo Burial Monuments). Voronezh: Voronezh University Publ. (in Russian).

24. Solov'ev, B. S. 2000. *Bronzovyi vek Mariiskogo Povolzh'ia* (Bronze Age of Mari Volga Area). Series: Proceedings of the Mari Archaeological Expedition VI. Yoshkar-Ola: Mari Research Institute of Language, Literature, and History (in Russian).

25. Stokolos, V. S. 1988. *Kul'tury epokhi rannego metalla Severnogo Priural'ya* (Cultures of the Early Metal Period in the Northern Urals). Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

26. Stokolos, V. S. 1997. In Savel'eva, E. A. (ed.). *Arkheologiya Respubliki Komi* (Archaeology of the Komi Republic) 4. Moscow: “DiK” Publ., 213–245 (in Russian).

27. Utkin, A. V. 1993. In Chelyapov, V. P. (ed.). *Drevnie pamyatniki Okskogo basseyna* (Ancient Monuments of the Oka Basin). Ryazan: Science and Production Center for Protection and Management of Historical and Cultural Sites of the Ryazan Region, 3–6 (in Russian).

28. Shorin, A. F. 1999. *Eneolit Urala i sopredel'nykh territorii: problemy kul'turogeneza* (Eneolithic of the Urals and Adjacent Territories: Issues of Cultural Genesis). Yekaterinburg: Ural Branch, Russian Academy of Sciences (in Russian).

29. In Bader, O. N., Krainov, D. A., Kosarev, M. F. (eds.). 1987. *Epokha bronzy lesnoi polosy SSSR* (The Bronze Age in the Forest Zone of the USSR). Series: Archaeology of the USSR. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

About the Author:

Karmanov Victor N. Candidate of Historical Sciences. Institute of Language, Literature and History of the Komi Scientific Center. Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Kommunisticheskaya St., 26, Syktyvkar, 167982, Republic of Komi, Russian Federation; vkarman@bk.ru

Статья принята в номер 01.12.2019 г.